

Научная статья

УДК 160.1

doi: 10.17223/1998863X/68/3

АНАЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Всеволод Адольфович Ладов

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ladov@yandex.ru*

Аннотация. Представлен проект новой эпистемологической концепции. В качестве рабочего названия концепции предложен термин «аналитический реализм». Обсуждаются теоретические основания и центральные проблемы данного направления эпистемологических исследований. Обосновывается, что разработка тех идей, которые являются определяющими для аналитического реализма, должна быть одной из актуальных задач современной эпистемологии в целом.

Ключевые слова: реализм, антиреализм, релятивизм, скептицизм, эпистемология, аналитическая философия, язык, значение, истина

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Для цитирования: Ладов В.А. Аналитический реализм: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 25–34. doi: 10.17223/1998863X/68/3

Original article

ANALYTICAL REALISM: CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Vsevolod A. Ladov

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Tomsk,
Russian Federation*

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ladov@yandex.ru

Abstract. This article presents the author's project of a new epistemological concept of analytical realism. The terminological issues related to the choice of the name of the concept are discussed. The main structural elements of analytical realism are outlined. The existing theoretical results are formulated that can be used as the basis of the concept. The main challenges and further prospects for research within the framework of analytical realism in the context of the modern development of epistemology are fixed. The project of a new epistemological concept is proposed to be called "analytical realism". Why "analytical realism"? How justified is this title? For example, if we are based on the research of H. Putnam, then all manifestations of his epistemological program could be called analytical realism, because he always worked within the tradition of English-language analytical philosophy. But at the same time, we know other types of realism both in the topological sense and in the content of these theoretical concepts. For example, the concept of speculative realism which is widely discussed today was born in continental Europe, and in terms of content it has nothing to do with analytical philosophy. One can also consider the problems of realism discussed in the framework of modern philosophy of science. Although

this is an English-speaking environment for the most part, the content of this area of research can hardly be attributed to the general context of analytical philosophy either. In this case, the accepted terminological restriction seems to be appropriate. Analytical realism is an epistemological concept developed exclusively in the context of the tradition of analytical philosophy with a focus on logic, philosophy of language, theory of meaning, theory of reference, with a focus on the main representatives of the school of analytical philosophy.

Keywords: realism, anti-realism, relativism, skepticism, epistemology, analytical philosophy, language, meaning, truth

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

For citation: Ladov, V.A. (2022) Analytical realism: challenges and development prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 25–34. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/3

Введение

Очень многие современные исследования в эпистемологии представлены в контексте дискуссии реализма и антиреализма. Причем это касается не только англоязычной философии, где данная терминология широко распространена, но и современной континентальной философии, если иметь в виду то влияние в философском мире, которое приобрело в последние годы движение спекулятивного реализма, одним из основателей которого является французский философ К. Мейясу [1].

В данной статье представлен авторский проект новой эпистемологической концепции аналитического реализма. Обсуждаются терминологические вопросы, связанные с выбором названия концепции, тезисно намечаются основные структурные элементы аналитического реализма, формулируются уже имеющиеся теоретические результаты, которые можно использовать в качестве основания концепции, фиксируются главные проблемы и дальнейшие перспективы исследований в рамках аналитического реализма в контексте современного развития эпистемологии.

Вопрос о терминологии

Мы предлагаем назвать тот концептуальный проект, который представлен в нашей статье, «аналитическим реализмом». Почему «аналитический реализм»? Насколько оправданно данное название? Если исходить из исследований, например, Х. Патнема, из различных версий его эпистемологической программы [2, 3], то все варианты его концепции можно было бы назвать аналитическим реализмом, ибо он всегда работал внутри традиции англоязычной аналитической философии. Но вместе с тем мы знаем иные виды реализма и в топологическом, и в содержательном смыслах. Например, широко обсуждаемая на сегодняшний день концепция спекулятивного реализма родилась в континентальной Европе, и в содержательном плане к аналитической философии не имеет никакого отношения. Можно рассмотреть и проблемы реализма, обсуждаемые в рамках современной философии науки [4]. Это хоть и англоязычная среда по преимуществу, но содержательно данную проблематику тоже вряд ли можно отнести к общему контексту аналитической философии. В таком случае принимаемое терминологическое ограничение представляется все же уместным. Аналитический реализм – это

эпистемологическая концепция, развиваемая исключительно в контексте традиции аналитической философии с ориентацией на логику, философию языка, теорию значения, теорию референции, с ориентацией на основных представителей школы аналитической философии.

Представляется, что наиболее близким примером, подтверждающим уместность данной терминологии, выступает использование термина «аналитический прагматизм» по отношению к философской концепции современного американского мыслителя Р. Брэндома [5]. Здесь подчеркивается, что автор развивает классические идеи американского прагматизма именно в контексте аналитической философии, в контексте теории значения и теории референции.

Проект аналитического реализма, тезисно сформулированный в данной статье, представлен на русском языке. В связи с этим, возможно, следовало бы внести корректировку и в название «Русский аналитический реализм». Правда, в таком случае требовалось бы и дальнейшее уточнение, скажем, «Московский аналитический реализм», «Новосибирский аналитический реализм», «Томский аналитический реализм» и т.д. Чтобы избежать этого излишнего терминологического нагромождения, мы все же позволим себе занять термин, который в русскоязычной философской среде пока остается свободным, и будем просто говорить «аналитический реализм», подразумевая ту концептуальную разработку, проект которой представлен ниже.

Структура аналитического реализма: формальный аспект

Структурно аналитический реализм делится на формальный и содержательный аспекты, соответственно, на формальный реализм и содержательный реализм.

Формальный реализм обосновывает приоритет реалистской эпистемологии перед антиреализмом за счет косвенной логической аргументации, а именно за счет демонстрации логической противоречивости антиреалистских эпистемологических проектов. Эта демонстрация логической противоречивости осуществляется через аргумент *reductio ad absurdum*, основанный на явлении самореферентности. Данный формальный аспект автор проекта аналитического реализма в сотрудничестве с другими отечественными аналитическими философами разрабатывал последние несколько лет [6–9].

Антиреализм, который объединяет разнообразные скептические и релятивистские концепции, можно свести к абсурду как теоретическое построение, если его тезисы обратить против него самого в опоре на явление самореферентности, когда некоторое теоретическое высказывание становится логическим субъектом самого этого высказывания:

(S есть P) есть P.

Впервые это проделал еще Сократ в диалоге Платона «Тезет» [10], заочно полемизируя с релятивистом Протагором. Если человек в самом деле является мерой всех вещей и любое суждение истинно лишь относительно того или иного человека, высказывающего это суждение, то как же Протагор собирается учить всех за плату этой мудрости, когда она сама оказывается лишь относительной? Очевидно, что Протагор считает основной тезис своего релятивистского построения не относительной, а абсолютной истиной, которую должны признать все. Таким образом, позиционирование релятивистско-

го тезиса в теоретической концепции вступает в противоречие с содержанием данного тезиса. Релятивизм как теоретическая разработка неминуемо оказывается парадоксальным.

Однако в традиции аналитической философии, при обсуждении проблемы парадоксов, был разработан иерархический подход к решению данной проблемы, который полностью запрещал явление самореферентности как некорректный логический прием в рассуждении [11, 12]. И в такой ситуации критика скептицизма и релятивизма в отношении возможности достижения истинного знания, подобная той, которую высказывал платоновский Сократ, оказывается заблокированной с логической точки зрения. Авторы «*Principia Mathematica*», где иерархический подход к решению парадоксов был представлен через теорию типов, высказались об этом недвусмысленным образом: «...любой заслуживающий внимания скептицизм закрыт для приведенной выше формы опровержения (имеется в виду приведение скептицизма к противоречию через аргумент *reductio ad absurdum* в опоре на явление самореферентности. – В.Л.)» [13. С. 111]. Таким образом, в «*Principia Mathematica*» было сформулировано важное эпистемологическое следствие теории типов, которое заключалось в том, что все традиционные формы опровержения скептических и релятивистских концепций, которые имеют многовековую историю, теряют свою значимость. И если мы хотим продолжать критиковать антиреализм (скептицизм, релятивизм) в эпистемологии, то делать это нужно уже иначе, с опорой на результаты чисто логических исследований в традиции аналитической философии, в противном случае мы, как эпистемологи, просто рискуем оказаться наивными с точки зрения логики. Поэтому самый существенный вопрос, который был поставлен в рамках аналитического реализма в формальном аспекте, – это вопрос о допустимости/недопустимости явления самореферентности в рассуждении с логической точки зрения.

Аналитический реализм в формальном аспекте показал, что иерархический подход, который устанавливал запрет на самореферентность, имеет существенные недостатки [14]. Это позволило сделать вывод о том, что данный подход сам оказывается некорректным, а значит, его изначальную посылку следует аннулировать. Таким образом, мы вернули аргументу *reductio ad absurdum*, основанному на явлении самореферентности, логическую легитимность и заявили о том, что снова можем использовать этот аргумент для критики эпистемологического антиреализма. Но теперь наша критика уже будет иметь не наивный, а рефлексивный с точки зрения достижений современной логики характер.

Проблема следования правилу в формальном аспекте

При помощи аргумента *reductio ad absurdum*, который основан на явлении самореферентности, мы критикуем антиреалистские эпистемологические проекты. Одной из самых известных и самых радикальных антиреалистских концепций внутри традиции аналитической философии была концепция «значение как употребление» позднего Л. Витгенштейна. В рамках этой концепции была сформулирована так называемая проблема следования правилу [15]. Американский логик С. Крипке назвал проблему следования правилу вообще самой радикальной скептической проблемой в истории философии: «Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма. Лично я склонен рассмат-

ривать ее как наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия, проблему, которую смог бы сформулировать только очень необычный по складу ум» [16. С. 60].

Результаты работы в рамках формального аспекта аналитического реализма приводят к утверждению логической противоречивости концепции позднего Л. Витгенштейна. На страницах «Философских исследований», в частности в параграфе 201, где и сформулирована проблема следования правилу [15. С. 130], Витгенштейн утверждает, что употребление слов в языке не подпадает под какие-то устойчивые, универсальные правила, значение слов определяется чисто контекстуально, в каждой конкретной языковой игре, в каждом конкретном лингвистическом сообществе, значение слов всегда релятивно контексту употребления, значение и есть употребление, а не определяет наперед употребление как нечто стабильно заданное: «...мы имели искушение думать, что можно вывести правило для употребления слова из его значения, которое мы предположительно схватываем как целое, когда произносим слово. Это ошибка, которую я бы вырвал с корнем» [17. Р. 51].

Однако как быть с самим текстом «Философских исследований»? Опираясь на явление самореферентности, мы можем обратить тезис Витгенштейна против него самого. Таким образом, тезис Витгенштейна о значении как употреблении будет сведен к абсурду. В самом деле, если ни одно из слов языка не обладает стабильным значением, то это же относится и к словам, которыми сформулирован тезис об отсутствии строгих правил употребления, о релятивности значения. В таком случае тезис о том, что значение есть употребление либо сам становится релятивным и не раскрывает суть функционирования языка, а значит, и теряет свою теоретическую весомость, либо же в отношении слов, при помощи которых данный тезис сформулирован, нельзя сказать, что их значения релятивны, скорее, наоборот, они вполне строго определены, что и позволяет ясно выразить содержание концепции позднего Витгенштейна.

Вслед за М. Даммитом мы склоняемся к выбору второго элемента представленной выше альтернативы: «Я не мог бы отнестись с тем уважением к его работе (имеются в виду исследования позднего Л. Витгенштейна. – *В.Л.*), которое я имею, если бы я не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убеждения» [18. Р. XI]. Если это так, то содержание тезиса позднего Витгенштейна о релятивности значения вступает в противоречие с его позиционированием в рамках теоретической концепции. Теоретическая концепция, где формулируется этот тезис, опровергает его своим существованием. Здесь мы наблюдаем явление, которое К. Кордиг – один из современных эпистемологов – назвал «самореферентной непоследовательностью» (*self-referential inconsistency*) [19].

Таким образом, аналитический реализм демонстрирует логическую несостоятельность того, что С. Крипке назвал скептическим решением проблемы следования правилу [16], которое опиралось на тезис о релятивности значения и проясняло функционирование языка на его основе.

Структура аналитического реализма: содержательный аспект

Аналитический реализм в формальном аспекте обосновывает правоту реализма только косвенно, указывая на логическую несостоятельность про-

тивоположного способа построения эпистемологических концепций – анти-реализма. Однако формального аспекта исследований недостаточно. Обосновывать реализм следует не только косвенно, через приведение к абсурду противоположного, но и прямо, через поиск аргументов, подтверждающих возможность адекватного, истинного знания об объективной реальности, истинного в корреспондентном смысле. Реализм должен показать возможность соответствия знаний познающего субъекта фактам объективной реальности. Реализм каким-то образом должен решать так называемую проблему доступа (The access problem), доказывать возможность для познающего субъекта адекватно отражать содержание объективной реальности. Именно эту задачу должен решать содержательный реализм, поэтому общая, интегральная концепция аналитического реализма должна иметь, кроме формального, содержательный аспект.

Проблема следования правилу в содержательном аспекте

В содержательном аспекте своего развития аналитический реализм должен настраиваться на поиски прямого решения проблемы следования правилу, поскольку, как уже было сказано, поздний Л. Витгенштейн – это самая радикальная антиреалистская концепция в контексте развития аналитической философии.

Почему так важно решать проблему следования правилу? Почему важно найти прямое решение? Для того чтобы обосновать возможность содержательного реализма, по крайней мере в контексте аналитической философии, необходимо представить такой взгляд на язык, где предложения языка будут иметь устойчивые референты в качестве фактов. Только так мы сможем обеспечить однозначность истинностной оценки предложений языка. Если этого не сделать, то наше познание, трактуемое как зависимое от частных языковых игр в локальных лингвистических сообществах, неминуемо погрузится в глобальный скептицизм и релятивизм. Собственно, это и происходит у позднего Л. Витгенштейна. Референты предложений определяются исключительно прагматически, контекстуально, *ad hoc*, по каждому конкретному случаю употребления. Все это происходит потому, что, по Витгенштейну, не существует устойчивого значения общих терминов, которое можно было бы использовать как правило применения данного термина в бесконечных случаях употребления. Само это значение формируется, по Витгенштейну, на основе употреблений, индуктивно. Раз так, то мыслимое субъектом значение всегда конечно, выведено из конечного числа способов употребления выражения. Здесь и возникает проблема следования правилу. Если мыслимое субъектом значение конечно, то, вообще говоря, оно неопределенно, мыслимые правила употребления обрывочны, следовательно, конкретное употребление выражения можно подвести сразу под два разных правила (значения), которые в данном употреблении не будут различаться. Отсюда возникает глобальная неопределенность значения (правила употребления), а значит, и неопределенность референтов слов и предложений.

Аналитический реализм в содержательном аспекте должен приложить усилия к тому, чтобы обосновать концепт стабильного, идеального значения языкового выражения, которое может схватываться субъектом. Именно такое значение сможет задавать стабильность референциальной связи слов и объ-

ектов, предложений и фактов не индуктивно, а, напротив, дедуктивно, наперед задавая референциальную область всем будущим бесконечным употреблениям слова (предложения). Если мы будем способны это сделать, то сможем и давать однозначную истинностную оценку предложениям языка, а значит, мы сможем исключить релятивизм и антиреализм.

Здесь следует подчеркнуть, насколько сложной оказывается эта проблема, и в этом смысле можно согласиться с Крипке о том, что Витгенштейну действительно удалось заострить скепсис в вопросах возможностей и границ нашего познания до предела. Например, обычная референциалистская семантика, напрямую связывающая слова и вещи, и соответствующая ей онтологическая концепция физикализма, научного реализма, не может обеспечить решение проблемы следования правилу. Казалось бы, мы устанавливаем референциальную определенность между словами и объектами, между предложениями и физическими фактами, например, в предложении «Это – стол», но на самом деле эта определенность обманчива, иллюзорна. Будущие употребления данного предложения радикально не ясны. Скажем, стол в японской культуре, как предмет мебели для чайной церемонии высотой чуть выше щиколотки, может выступить в качестве референта слова «стол», а может и не выступить, поскольку в его нынешнем значении, сформированном в конечном опыте европейской культуры, высота этого предмета четко не специфицирована, она принимается как нечто само собой разумеющееся, примерно в треть человеческого роста, но нигде однозначно не фиксируется. Отсюда следует, что и в данном конкретном употреблении, когда агент речи находится в рамках европейской культуры, у слова «стол» или у предложения «Это – стол» неясно значение как правило употребления и поэтому неясна референциальная область употребления. В данном конкретном случае употребления предложения «Это – стол» субъект не вполне отдает себе отчет в том, что он имеет в виду, что он называет, какому правилу он следует: правилу 'стол', которое включает предметы только европейской культуры, или правилу 'цтол' (если проводить аналогию с известным дефект-правилом 'квус' С. Крипке [16]), включающему предметы не только европейской, но и японской культуры, при условии, что с японской культурой он просто еще никогда не сталкивался, не знает о ее специфике. Если это так, то однозначная истинностная оценка его предложения как истинного или ложного во всех предполагаемых случаях употребления невозможна, следовательно, мы приходим к релятивизму. Такой лингвистический референциалист и онтологический физикалист оказывается эпистемологическим релятивистом.

Именно поэтому в поисках прямого решения проблемы следования правилу аналитический релятивизм тяготеет не к референциалистской семантике и физикализму, а к универсалистской семантике и платонизму. Только через фиксацию значения как идеальной, стабильной, универсальной сущности можно прийти к фиксации четких правил употребления слов и предложений, следовательно, и к однозначной дедуктивной (нисходящей) фиксации референциального поля слов и предложений, что обеспечит однозначную истинностную оценку предложений и позволит исключить релятивизм и антиреализм. Аналитический реализм заявляет, что реализм возможен только как лингвистический платонизм. Лингвистический платонизм должен быть основой любых реалистских взглядов, развиваемых в контексте традиции анали-

тической философии, ибо только эта концепция способна предоставить прямое решение проблемы следования правилу, а значит, показать несостоятельность наиболее радикальной антиреалистской концепции в аналитической философии – концепции значения как употребления позднего Л. Витгенштейна.

В связи с вышесказанным аналитический реализм обращает свой исследовательский взор на концепцию лингвистического платонизма современного американского аналитического философа Джерольда Катца [20]. Определенная работа по экспликации тезисов и аргументов концепции Д. Катца уже проделана [21]. Однако данные исследования, безусловно, нуждаются в дальнейшей разработке, представляя собой перспективу развития аналитического реализма в содержательном аспекте. Во-первых, это должен быть более детальный анализ и обоснование весомости аргументации Д. Катца. Во-вторых, это должен быть поиск коррелятов концепции Д. Катца с другими концепциями, разрабатываемыми в современной аналитической философии. И такая работа уже начата в отечественной философской среде. В частности, Е.В. Борисов указал на корреляцию концепции лингвистического платонизма Д. Катца и семантической концепции Д. Каплана [22]. В-третьих, должен быть поставлен общий вопрос о возможности построения семантической теории естественного языка и о том, какой вид должна иметь данная теория.

Заключение

Решение проблемы следования правилу в формальном и содержательном аспектах должно быть одной из наиболее актуальных задач эпистемологии XXI в. Представленный в данной статье проект концепции аналитического реализма намечает те пути, по которым возможно развитие эпистемологических исследований как в отечественной, так и в мировой философии.

Список источников

1. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; Москва, 2015.
2. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.
3. Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge : Harvard University Press, 1990.
4. Niiniluoto I. Critical Scientific Realism. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2002.
5. Джохадзе И.Д. Аналитический прагматизм Р. Брендома. М., 2015.
6. Ладов В.А. Б. Рассел и Ф. Рамсей о проблеме парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 101–110.
7. Борисов Е.В. Является ли парадокс Ябло автореферентным? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 235–244.
8. Суrowцев В.А. Парадокс Ябло, автореферентность и математическая индукция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 262–268.
9. Нехаев А.В. Парадокс Ябло: лжет ли нам бесконечный Лжец? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 3. С. 206–218.
10. Платон. Тезетт // Платон. Сочинения в 4 т. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. Т. 2. С. 229–327.
11. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 16 – 62.
12. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford : Oxford University Press, 1956. P. 152–278.
13. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики : в 3 т. Самара : Самар. ун-т, 2005. Т. I.

14. Ладов В.А. Идея ограничения теории типов в философии математики в контексте критики эпистемологического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 43–52.
15. Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2018.
16. Крунке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005.
17. Wittgenstein's Lectures. Cambridge, 1932–35. Oxford : Basil Blackwell, 1979.
18. Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1991.
19. Kordig C. Self-Reference and Philosophy // American Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 20, № 2. P. 207–216.
20. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1990.
21. Ладов В.А. Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии // Прахема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 97–110.
22. Борисов Е.В. Контекстуальность в семантике Каплана и Катца // Прахема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 111–117.

References

1. Meillassoux, K. (2015) *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingence]. Translated from French by L. Medvedeva. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
2. Putnam, H. (1981) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Putnam, H. (1990) *Realism with a Human Face*. Cambridge: Harvard University Press.
4. Niiniluoto, I. (2002) *Critical Scientific Realism*. Oxford; New York: Oxford University Press.
5. Dzohadze, I.D. (2015) *Analiticheskiy pragmatizm R. Brendoma* [R. Brandom's Analytic Pragmatism]. Moscow: RAS.
6. Ladov, V.A. (2018) Russell and Ramsey on the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 101–110. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/9
7. Borisov, E.V. (2019) Is Yablo's Paradox Self-Referential? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 235–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/20
8. Surovtsev, V.A. (2019) Yablo's paradox, self-reference, and mathematical induction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 262–268. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/24
9. Nekhaev, A.V. (2019) Yablo's Paradox: Is The Infinitive Liar Lying to Us?. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 56(3). pp. 88–102. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956351
10. Plato. (2007) Teetet [Theaetetus]. In: Losev, A.F. & Asmus, V.F. (eds) *Platon. Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Plato. Collection of Works]. St. Petersburg: Mysl'. pp. 229–327.
11. Russell, B. (2006) *Matematicheskaya logika, osnovannaya na teorii tipov* [Mathematical Logic as Based on the Theory of Types]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–62.
12. Tarski, A. (1956) The Concept of Truth in Formalized Languages. In: Tarski A. (ed.) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 152–278.
13. Whitehead, A. & Russell, B. (2005) *Osnovaniya matematiki* [Principia Mathematica]. Vol. I. Translated from English by Y.N. Radaev, A.V. Ershov, R.A. Revinskiy, I.S. Frolov. Samara: Samara State University.
14. Ladov, V.A. (2019) The Idea of Limiting the Type Theory in the Philosophy of Mathematics in the Context of the Criticism of Epistemological Relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 43–52. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/5
15. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow: AST.
16. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Wittgenstein, L. (1979) *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1932–35*. Oxford: Basil Blackwell.
18. Dummett, M. (1991) *The Logical Basis of Metaphysics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
19. Kordig, C. (1983) Self-Reference and Philosophy. *American Philosophical Quarterly*. 20(2). pp. 207–216.
20. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
21. Ladov, V.A. (2022) Gottlob Frege's semantics in modern analytic philosophy. *Praxema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 97–110. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-97-110
22. Borisov, E.V. (2022) Contextuality in Kaplan's and Katz's semantics. *Praxema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 111–117. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-111-117

Сведения об авторе:

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, зав. лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ladov V.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Logical and Philosophical Researches of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Leading Researcher of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Professor of the Department of Humanitarian Problems of Informatics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 20.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*